

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 33

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
2019

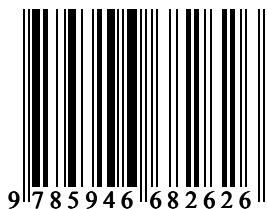
УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
А. В. Дубровский, С. И. Панов

ISBN 978-5-94668-262-6

© Авторы статей, 2019
© Пушкинская комиссия РАН, 2019

V. IN MEMORIAM

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА БОЧАРОВА (10 мая 1929 – 6 марта 2017)

Первая «суммарная» книга Сергея Георгиевича Бочарова — «О художественных мирах» — увидела свет в 1985 г., когда автору исполнилось пятьдесят шесть лет. Этот «литературный факт» стоит внимания как апологетов позднесоветской «духовности», так и той аудитории, что доверчиво внемлет легендам о «золотом веке». Но сейчас нам важнее другое.

Нетрудно догадаться, с каким тщанием выстраивал книгу ученый, безусловно давно получивший признание всех сколько-то компетентных коллег и многих «любителей словесности», но лишь на шестом десятке «удостоившийся» права выпустить «избранное». Обретя возможность предъявить читателю выношенное понимание литературы — системы сообщающихся «художественных миров», автор едва ли надеялся, что получит (если не вообще, то вскоре) шанс на «договаривание». (Так, кстати, и случилось. Следующий «изборник» С. Г. — «Сюжеты русской литературы» — появился четырнадцать лет спустя.) Так вот, в книге «О художественных мирах» Пушкину посвящена одна статья — «О смысле “Гробовщика”». Или «полторы», если считать работу «Кубок жизни и клейкие листочки: (Два воспоминания из Пушкина в “Братьях Карамазовых”»». «Мир» Пушкина в книге С. Г. стоит наравне с «мирами» Сервантеса, Баратынского, Гоголя, Достоевского, Толстого, Платонова, о чем нас и оповещает титульный лист издания. Понятно, что тут не обошлось без «внешних факторов»: объем сборника — 15,5 условно-печатных листов, они же 296 страниц обычного формата. Но и при нормировании бумажного пайка (за которым прорисовывалась незамысловатая проблема «правильного» распределения гонораров) можно было избрать иную составительскую стратегию. С. Г. выбрал описанную выше.

Верность ей С. Г. в общем сохранил и при построении куда более объемного (за пятьдесят листов) здания «Сюжетов русской литературы». Первый раздел этой книги снабжен заглавием «Пушкин — Гоголь — Достоевский» — сразу акцентируется идея сопряженности трех «художественных миров», их взаимодействия. В двух других разделах («сюжетных» полях) — «Леонтьев — Толстой — Достоевский» и «Двадцатый век» — Пушкин тоже присутствует, иногда — весьма значимо (в работах о Константине Леонтьеве — в связи с анализом его воззрений на словесность, в статье с красноречивым названием «“Памятник” Ходасевича», в поминовении А. Д. Сивянского, где точно сказано о «Прогулках...» Абрама Терца). Но чисто «количественно» Пушкина в «Сюжетах русской литературы» меньше, чем Достоевского (имя которого недаром возникает в заголовках двух разделов). Впрочем, как раз в контексте размышлений об авторе «Идиота» и его энергичных интерпретаторах («Р. С. О религиозной филологии» к заметкам «От имени Достоевского») возникает замечательный мини-этиюд о «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы». Здесь С. Г. не только защищает «Стихи...» от благочестивого перетолкования, маскирующего укоризну поэту, но и проясняет суть как пушкинской пьесы, так и «гениального в этом случае» (слова Бочарова) редакторского решения Жуковского.

Состав и структура первого и второго «изборников» Бочарова свидетельствуют о весьма сложном отношении автора к Пушкину, литературе и своему жизненному делу. Множественность «художественных миров» и/или сквозных «сюжетов» (оба выражения Бочарова если не строго терминологичны, то и не чисто метафоричны!) оказывается важнее, чем сосредоточенность на единичном тексте, творчестве одного писателя, конкретном смысловом комплексе, варьирующемся в разных художественных системах. «Литературные факты» видятся и осмысливаются С. Г. в общем «пространстве» литературы, полный смысловой «объем» которого остается до конца непостижимым. Всякий текст «открыт» — и потому, что связан множеством смысловых линий с другими текстами (как предшествующими, так и наследующими ему), и потому, что предполагает широкую систему прочтений, которые могут быть более или менее адекватными, но не могут быть окончательными. (Во избежание недоразумений: «плюралистом без берегов» С. Г. не был; но об этом ниже.) А коли дело обстоит таким образом, то нет нужды давать исчерпывающую характеристику художественного мира одного писателя или одного сочинения. Пусть даже писатель этот — Пушкин, а сочинение — «Евгений Онегин». И тем более «не имеют значения» твои собственные пушкинские штудии минувших лет.

Понятно, что статьи «О возможном сюжете: “Евгений Онегин”» и «Французский эпиграф к “Евгению Онегину”». Онегин и Ставрогин» выросли из «очерка» «Стилистический мир романа (“Евгений Онегин”)», а тот — из первой «пушкинской» работы С. Г. «Форма плана». Но не менее понятно другое: ранние опыты исследования романа в стихах отнюдь не «покрываются» позднейшими, с годами они не утратили самостоятельного значения. То же касается других «очерков», составивших «Поэтику Пушкина». Однако и в третий свой «изборник» («Филологические сюжеты»), открывающийся собственно пушкинским разделом, С. Г. ничего из бесспорно классических «очерков» не включил. И если статью «Случай или сказка?» можно счесть «расширенной и дополненной» редакцией первого прочтения «Пиковой дамы» (хотя автор эту связь предпочел завуалировать, поставив под статьей две даты — 1999, 2004 — и скрыв «начальную»), то «очерки» о «свободе» и «счастье» в поэзии Пушкина, «Евгении Онегине», «Повестях Белкина» так и не вышли из рамок ставшей раритетом «Поэтики Пушкина». Правда, в «Филологических сюжетах» была наконец-то опубликована статья «Форма плана», с которой началась пушкинистика Бочарова. И кажется, не только она.

В «Примечании 2003 г. к статье 1965-го» С. Г. писал о «старом тексте» как о «черновом наброске» своих последующих работ о романе в стихах. И, словно оправдываясь, добавлял: «Все же он что-то выразил тогда, в те 60-е, которые ведь были поворотом не только политическим в нашей истории. Все совершалось синхронно вместе в истории и в филологии <...>. Время нового взгляда на Пушкина, поворота внимания открывалось тогда, в середине 60-х. А именно: на смену социологической эпохе и разрозненным сопоставлениям кусков романа с внешней действительностью приходила поэтика, и с ней — имманентное понимание пушкинского романа как организма. Наверное, этот поворот к имманентному узрению внутреннего устройства романа как организма сказался и в той моей статье. <...> Хотелось вместе филологического и бытийного чтения пушкинского романа. Хотелось увидеть его не только как поэтический текст, но и как некий онтологический универсум, “модель мироустройства” (как скажет позже о нем <...> <Ю. Н.> Чумаков)».¹ Благодарно и благородно вспоминая другие «поворотные» работы о «Евгении Онегине», что появились в 1960-х гг. (исследования И. М. Семенко, Ю. М. Лотмана, Ю. Н. Чумакова), Бочаров фиксирует их родство с «Формой плана», и аккуратно указывает на «особенную статью» своего «чернового наброска». Его мягкая

¹ Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 25–26.

формулировка («хотелось увидеть») должна быть скорректирована: С. Г. *уже увидел* в «Евгении Онегине» «онтологический универсум». Увидел именно потому, что сосредоточился на поэтическом строе романа, на его «имманентности», парадоксально предполагающей — как в микроэлементах, так и в «целом» — необходимую (в переносном и прямом смыслах слова) соотнесенность с тем, что зовется «жизнью». Принадлежность автора и героев романа двум «мирам» — сотворенному Пушкиным (творившемуся им долгие годы) и «реальному», их постоянное курсирование между этими мирами (то бросающееся в глаза, то едва заметное) не только характеризуют вполне конкретный текст (роман в стихах), но и «настраивают» исследовательскую оптику. «Методология» Бочарова ориентирована на те законы (равно поэтические и «бытийственные»), по которым, согласно его прочтению, существует пушкинский роман в стихах.

Разумеется, Бочаров ясно видел различия между «Евгением Онегиным» и, скажем, «Гробовщиком», «Пиковой дамой» (эти повести рассмотрены им с особым тщанием) или любым иным сочинением Пушкина. Но ведь «заметить разность» не можно, а *должно* и меж беспрестанно противоречащими друг другу строфами и главами «свободного романа»! «Евгений Онегин» — та часть пушкинского мира, что позволяет наилучшим образом воспринять и само «целое», и иные его составляющие. Противоречивость, недоговоренность, открытость, смысловая «объемность» «романа в стихах» реализуются (хоть и всякий раз иначе) во всем пространстве пушкинского мира. Бочаров этого «правила» не формулировал, но постигал Пушкина именно так — не приравнивая стихотворения «Город пышный, город бедный...» или повесть «Станционный смотритель» «свободному роману», но читая их словно сквозь «онегинскую» призму.

Есть твердое ощущение, что Пушкин занимал сходное место в «системе» «художественных миров», которым посвящены обстоятельные исследования и «попутные соображения» Бочарова. Об особом — «центральном» — положении Пушкина «в европейской культурной истории» (сопоставимом лишь с «позицией» веймарских классиков, Гете и Шиллера) С. Г. прямо писал в статье «Заклинатель и властелин многообразных стихий». В первом ее абзаце автор сообщает, что вынесенное в заглавие «слово» Аполлона Григорьева он считает «лучшим, что было о Пушкине сказано за полтора столетия».² Григорьевская формула проецируется и на поэтический

² Там же. С. 11.

мир Пушкина (здесь особенно важен анализ стихотворения «В начале жизни школу помню я...»), и на поле русской послепушкинской словесности. Пушкин «заклинает» (вызывает и смиряет) «многообразные стихии» (и не только «стихии»!) как в своих сочинениях, так и в творениях «наследующих» ему писателей. В этом плане равно важны «онегинская», по разумению Бочарова, генеалогия Ставрогина, отзвуки XI строфы «Домика в Коломне» (чаяние пожара и его «заклятье») в «Бесах» и «Двенадцати» и те «самые веские» слова о «первом поэте», что были проговорены Гоголем в статье «Несколько слов о Пушкине» и Толстым в письме Д. П. Голыхвастову (здесь С. Г. следует за Ю. Н. Тыняновым). Говоря о «бездне пространства» в «каждом слове» и о распределении предметов поэзии «по известной иерархии» (точно угаданной автором «Повестей Белкина»), Гоголь и Толстой «открывают» и Пушкина (до известного предела), и самих себя, свою сравнительно с Пушкиным «недостаточность».

В контексте размышлений Бочарова даже борьба формалистов с концепцией пушкинской исключительности неожиданно «пушкинизируется». Корректно передав мысль Б. В. Томашевского о том, что «абсолютизация» статуса Пушкина мешает «его нормальному трезвому изучению», С. Г. частично ее принимает: «Наверно, и в самом деле мешает — тем не менее этого статуса никакая научная позитивность поколебать не могла». ³ Бочаров, однако, не может остановиться на безоглядном признании «неоспоримого мифологического факта» — «он тоже нуждается в более рациональном филологическом обосновании». Нуждается, как «натиск пламенный» в «отпоре суровом». В этих строках, характеризующих английский парламентаризм, С. Г. вослед любимому им Константину Леонтьеву видит «формулу пушкинской гармонии», «гармонии поэтической борьбы, а не мирного унисона».

Впрочем, мы не рискуем как свести «бочаровское» понимание Пушкина к «леонтьевскому», так и признать, что С. Г. воспринимал ратоборствования по поводу статуса Пушкина или толкования конкретных пушкинских текстов как самодостаточную ценность. Он умел и любил отдавать должное частным наблюдениям исследователей, с которыми был «глобально» несогласен (антиформалистический пафос статей о «Повестях Белкина» вполне внятны, но столь же ясно, что без учета сказанного Б. М. Эйхенбаумом о «Гробовщике» и «Выстреле» осмысление «болдинских побасенок» для С. Г. невозможно), но в иных случаях вел полемику довольно жестко

³ Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. С. 13.

и неуступчиво. Так, весьма выразительна реакция Бочарова на «поэтическое чтение», которое «дает основание для гипотез по поводу заполнения релевантных лакун и не включенных в сюжет мотивировок». «Метод (применяемый Вольфом Шмидом. — *А. Н.*) и состоит в заполнении *столь выразительных и многоговорящих именно в качестве таковых* (курсив мой. — *А. Н.*), в “Станционном зрителе” особенно, лакун и во введении “пропущенных” Пушкиным мотивировок в “линейном пространстве” (на плоскости) фабулы-сюжета. Это метод *расшифровок* (а здесь курсив Бочарова. — *А. Н.*), запрещенный поэтикой пушкинской прозы...»⁴ «Запрещенный» — очень сильное слово.

Категоричность С. Г. — «отпор суровый» тому «натиску пламенному», что присуще любой интерпретации поэтического текста. Похоже, по Бочарову, всякого, но в особенности — пушкинского. Пушкинские лакуны значимы именно как лакуны. Пушкинские умолчания не менее весомы, чем то, о чем он говорит «ясно». «Недоумение», которое охватывает Дуню в последний миг перед отъездом с Минским, подразумевает «недоумение» не только всех «рассказчиков» повести (Вырина, титулярного советника А. Г. Н., Белкина), но и ее автора. И *не должно* преодолеваться исследователем повести «Станционный зритель». «Понимание и интерпретация — не то же самое. Интерпретация есть самоутверждающееся понимание, имеющее тенденцию в своем самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя как бы позади себя) предметом познания»,⁵ — так писал С. Г. во введении («Вступительных словах») к «Сюжетам русской литературы». И чуть ниже: «...понимание Пушкина есть *объем* (курсив Бочарова. — *А. Н.*) как будто (это не пустая вежливая оговорка! — *А. Н.*) несовместимых о нем утверждений, и только такому, объемному пониманию доступен объемный феномен Пушкина».

Как провести черту меж утверждениями «как будто несовместимыми» и «запрещенными»? Ответа на этот вопрос от С. Г. было бы ждать напрасно. Ответом должно стать corpus его сочинений, в котором Пушкин, с одной стороны, представлен менее «обстоятельно», чем Гоголь, и менее «портретно», чем Баратынский, а с другой — присутствует практически везде. Не только потому, что русская литература два века так или иначе откликается на слово Пушкина, но и потому, что С. Г. стремился следовать в своей филологической прозе законам, по которым, согласно его пониманию,

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 11.

устроен мир Пушкина. Отсюда варьирование, передумывание, уточнение любимых «сюжетов», очень высокий градус авторской рефлексии, напряженное вслушивание в голоса предшественников и коллег-современников. Отсюда не всегда манифестированное, но весьма настойчивое сопряжение «жизни» и «литературы», «литературы» и «литературоведения». Отсюда приметная «пунктирность» практически всех работ С. Г., напоминающая о пользе «недоумения» и оставляющая простор для со-размышления читателя. В пушкинских штудиях эти черты научно-литературного мышления Бочарова, его писательского стиля особенно приметны — их «недоговоренность» особенно ощутима. Естественно счастье такой результат следствием не только профессионального, но и жизненного выбора.

Парадокс в том, что, долго и последовательно уходя в пушкинистике от расстановки точек над *i*, Бочаров посвятил единственную в своей практике «книгу о писателе» именно Пушкину. «Краткий очерк жизни и творчества», как и предшествующая ему статья для словаря «Русские писатели. 1800—1917», написаны С. Г. совместно с И. З. Сурат. Пытаться «расчлнять» работы такого рода (выяснить, кому из сотрудников принадлежат те или иные наблюдения, решения, фрагменты текста) — дело бестактное и бессмысленное. Но попробовать расслышать в книге «смысловые мелодии» каждого из соавторов, думается, все же позволительно. Кажется, С. Г. решился на «полное слово» о Пушкине потому, что оно предполагалось «кратким». «Краткость» — важнейшая особенность поэтического мышления Пушкина. «Краткость» подразумевает «недоумение», постоянное осознание неисчерпаемости постигаемого «явления», отказ от насильственного «заполнения лакун» — ту самую «бездну пространства», которую видел в каждом пушкинском слове Гоголь, ту самую верную «иерархию предметов», которой восхищался Толстой, тот самый «объем», приблизиться к которому всегда стремился С. Г. Бочаров. «Краткому очерку...» можно предъявлять весьма разнообразные претензии (на это сам жанр провоцирует!), но упрекнуть книгу эту в недостатке смыслового «объема», в зашоренности, в интерпретаторском догматизме попросту невозможно. Это, если угодно, *свободная* история жизни и поэзии творца «свободного романа».

Автор тонкого и глубоко признанного отклика на пушкинскую биографию завершил его печальным аккордом. «В самых лучших работах, посвященных историко-литературному контексту пушкинского творчества, мельчает, бледнеет то беспрецедентное, что он совершил. А в лучших концептуальных прочтениях его произведений появляются смещения, неточные акценты и искажения — следствие

того, что не приняты во внимание контекстуальные связи. И даже биографически — в духовной своей биографии — Пушкин оказывается гораздо более одинок, чем был он на самом деле». ⁶ Последнее соображение мотивировано не столько общими проблемами современной пушкинистики, сколько обсуждаемой книгой, где и впрямь часто ощущается недостаточная прописанность историко-литературного контекста. Понятно, что в этом отношении рецензент биографического очерка (подчеркну: высоко его оценивший!) никак не одинок. Контраргументов не сыщешь. Разве только задашься двумя смежными вопросами. Первый — что такое «на самом деле»? Второй — в силах ли кто-то (пусть и превосходно представляющий необходимый историко-литературный контекст) оценить меру одиночества Пушкина? И не только Пушкина.

А. С. Немзер

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ С. Г. БОЧАРОВА ПО ПУШКИНОВЕДЕНИЮ⁷

Составила М. С. Бочарова при участии Л. А. Тимофеевой

«Форма плана»: (Некоторые вопросы поэтики Пушкина) // Вопр. лит. 1967. № 12. С. 115—136.

Рец.: Макаров А. Противоречий очень много // Вопр. лит. 1968. № 9. С. 183—186.

Пушкин и Гоголь: («Станционный смотритель» и «Шинель») // Проблемы типологии русского реализма: [Сб. ст.] / Под ред. Н. Л. Степанова и У. Р. Фохта]; АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наука, 1969. С. 210—240.

«Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // Проблемы поэтики и истории литературы: (Сб. ст.): К 75-летию со дня рожд. и 50-летию научно-пед. деятельности М. М. Бахтина / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 1973. С. 147—163.

О смысле «Гробовщика»: (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст-1973: Лит.-теорет. исслед. / АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974. С. 196—230.

⁶ *Виролайнен М. Н.* Новая биография Пушкина // Новый мир. 2002. № 6. С. 192.

⁷ Настоящий перечень не включает газетные статьи, а также часть републикаций, с которыми не удалось ознакомиться *de visu*.

Поэтика Пушкина: Очерки / АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького; Отв. ред. Н. К. Гей. М.: Наука, 1974. 207 с.

Содерж.: «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина; Стилистический мир романа: («Евгений Онегин»); Повествование в прозе; Пушкин и Белкин; «Пиковая Дама».

Рец.: Звоников А. А. Поэтика Пушкина в современных исследованиях // Рус. лит. 1976. № 3. С. 186–197; Ломинадзе С. // Новый мир. 1975. № 6. С. 283–284; Манн Ю. В. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 3. С. 271–273; Нольман М. Л. Критическая пушкиниана юбилейного года // Вопр. лит. 1976. № 3. С. 215–239.

Поэтическое предание и поэтика Пушкина // Пушкин и литература народов Советского Союза: [Сб. ст.] / Ереван. гос. ун-т; АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького; Сост. К. В. Айвазян. Ереван: Изд-во Ереван. гос. ун-та, 1975. С. 54–73.

Рец.: Нольман М. Л. // Историко-филол. журнал. 1975. № 4. С. 218–222.

[Проза Пушкина: Послесл. и коммент.] // Пушкин А. С. Проза / Сост. и коммент. С. Г. Бочарова. М.: Сов. Россия, 1975. С. 615–702.

О двух пушкинских реминисценциях в «Братьях Карамазовых» // Достоевский: Материалы и исследования / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Ред. Г. М. Фридлиндер. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 145–153.

Über denn Sinn von Puschkins “Sargmacher”: [“Гробовщик”] // Kunst und Literanure. 1977. Н. 1. S. 23–44.

Судьба традиционной метафоры в поэзии Пушкина // Puškin poeta e la sua arte: Colloquio italo-sovietico (Roma, 3–4 giugno 1977): [На рус и итал. яз.]. Roma, 1978. С. 41–48; на итал. яз.: La sorte di una metafora tradizionale nella poesia di Puškin / S. G. Bočarov. С. 49–56. (Atti dei convegni lincei / Accademia nazionale dei Lincei; Т. 38).

Повесть А. С. Пушкина «Выстрел» // Учебный материал по анализу произведений художественной прозы / Сост. А. Ф. Белосусов; Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1984. С. 21–28.

О смысле «Гробовщика» // Бочаров С. Г. О художественных мирах: Сервантес. Пушкин. Баратынский. Гоголь. Достоевский. Толстой. Платонов. М.: Сов. Россия, 1985. С. 35–68.

Рец. на кн.: *Бабаев Э. Г. Сообщающиеся миры* // Новый мир. 1988. № 2. С. 250–253; *Мурач Л. А., Ботнер В. С. Мир писателя* // Лит. в школе. 1987. № 2. С. 68–69; *Пискунова С. И. Энергия смысла* // Лит. обозрение. 1987. № 3. С. 56–58.

Проблема реального и возможного сюжета: («Евгений Онегин») // Генезис художественного произведения: Материалы сов.-франц. colloquium / АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наука, 1987. С. 143–155.

The Stylistic World of the Novel // Russian views of Puskin's Eugene Onegin. Bloomington: Indiana University Press, 1988. P. 122–168. (The Stylistic World of the Novel).

[О книге А. Терца «Прогулки с Пушкиным»] // Вопр. лит. 1990. № 10. С. 78–83.

О реальном и возможном сюжете: («Евгений Онегин») // Динамическая поэтика: От замысла к воплощению / АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького; Отв. ред. Э. С. Паперный, Э. А. Полоцкая. М.: Наука, 1990. С. 14–38.

Альфред Людвигович Бем: [Предисл. к публ. ст. А. Л. Бема: Достоевский — гениальный читатель; «Сцена из Фауста» / Примеч. И. Э. Сурат] / И. Э. Сурат, С. Г. Бочаров // Вопр. лит. 1991. № 6. С. 67–76.

Материалы публ. вошли в кн.: *Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе* / Сост. С. Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. Э. Сурат. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 448 с.

Французский эпиграф к «Евгению Онегину»: [Докл. на междунар. конф. «Пушкин и Франция», 1987] // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1991. Vol. 32. № 2. P. 173–188.

О чтении Пушкина // Новый мир. 1994. № 6. С. 238–245.

Французский эпиграф к «Евгению Онегину»: (Онегин и Ставрогин) // Московский пушкинист: Ежег. сб. / РАН; Сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий. М.: Наследие, 1995. [Сб.] 1. С. 212–250.

Пушкин в споре Леонтьева с Достоевским // *Ars interpretandi*: Сб. ст. к 75-летию проф. Ю. Н. Чумакова / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 127–144.

Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки: [«Евгений Онегин», «Элегия»] //

Канун: Альм. / Под общ. ред. Д. С. Лихачева; РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 1998. Вып. 3: Русские пиры. С. 197–259.

Бездна пространства // Пушкин А. С. Повести Белкина: [Науч. изд.] / Ред.-сост. Н. К. Гей, И. Л. Попова; РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького; Комментар. Н. К. Гей, М. В. Пашенко, И. Л. Поповой, Н. Н. Смирновой. М.: Наследие, 1999. С. 461–479.

Возможные сюжеты Пушкина // Москва. 1999. № 9. С. 198–207.

«Заклинатель и властелин многообразных стихий»: [Пушкинове-
дение XIX–XX вв.] // Новый мир. 1999. № 6. С. 179–188.

То же // Тайны пушкинского слова: [Сб. ст.] / Сост. А. Р. Романен-
ко. М.: Моск. дет. фонд; ТИД Континент-Пресс, 1999. С. 31–39.

Из истории понимания Пушкина // Вестн. РГНФ. 1999. № 1. С. 83–91.

То же // Пушкин и теоретико-литературная мысль / РАН. ИМЛИ
им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999. С. 144–177.

Сюжеты русской литературы. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 626 с.
Вспом. указ.: с. 613–624. Библиогр.: с. 625–626. (Язык. Се-
миотика. Культура).

Из содерж.: С. 17–77: О возможном сюжете: «Евгений Онегин»
[с. 46–47: PS. Возможные сюжеты Пушкина]; С. 78–97: Бездна
пространства: [«Повести Белкина»]; С. 153–191: Французский
эпиграф к «Евгению Онегину». Онегин и Ставрогин [с. 162–191:
PS. Примечания к теме об Онегине и Ставригине]; С. 192–226:
Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок
жизни и клейкие листочки; С. 227–260: Из истории понимания
Пушкина.

Рец.: Роднянская И. Б. Философская «собака, зарытая в стиле» //
Новый мир. 2000. № 7. С. 216–223.

Возможные сюжеты Пушкина // Коран и Библия в творчестве
А. С. Пушкина: Памяти Е. Г. Эткинда / Под ред. Д. Сегала
и С. Шварцбанда; WASIC. Jerusalem, 2000. С. 169–178.

«Заклинатель и властелин многообразных стихий» // А. С. Пуш-
кин: Pro et contra: Личность и творчество Александра Пушки-
на в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология /
Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб.: Изд-во Рус.
Христиан. гуманит. ин-та, 2000. Т. 2. С. 570–585. (Рус. путь).

- «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение: [Рец. на кн.: Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999] // Новый мир. 2000. № 12. С. 203–209.
- О бессмысленная вечность! // In Other Words: Studies to Honor Vladimir Liapunov. Bloomington, 2000. P. 233–245. (Indiana Slavic Studies; Vol. 11).
- О книге Ю. Н. Чумакова «Стихотворная поэтика Пушкина» // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. Вып. 5: Пушкинский. С. 136–138.
- Conjurer and Master of All the Diverse Elements // Russian Studies in Literature. 2000. Vol. 36. № 1. P. 20–37.
- Les sujets possibles de Pouchkine / Trad. de M. Aucouturier // L'universalité de Poushchine: In memoriam E. Etkind, V. Vatsouro / Sous la dir. de M. Aucouturier et J. Bonamour; Inst. d'études slaves. Paris, 2000. P. 131–141. (Bibl. russe de l'Inst. d'études slaves; T. 106).
- «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение: [Рец. на кн.: Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999] // Играем Пушкина / Гос. Пушкинский Театр. центр в СПб. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 2001. Ч. 1 / Сост. Н. Г. Бржозовская, П. А. Копылова. С. 496–497.
- Per una storia dell'interpretazione di Puškin // Puškin europeo: A cura di Sante Graciotti. Venezia: Marsilio, 2001. P. 125–137.
- Возможные сюжеты Пушкина // Пушкин через двести лет: Материалы Междунар. науч. конф. юбил. (1999) года [«Пушкин и мир в преддверии III тысячелетия, 20–22 мая 1999 г.»] / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Вступ. ст. (с. 7–9) Ф. Ф. Кузнецова. М., 2002. С. 65–80. (Пушкин в XX веке).
- Из книги «Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества» / И. З. Сура-
рат, С. Г. Бочаров // Страницы истории русской литературы: К 70-летию проф. В. И. Коровина. М.: Прометей, 2002. С. 94–102.
- Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества / И. З. Сура-
рат, С. Г. Бочаров. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 237 с. Вспом. указ.: с. 221–237. (Studia philologica).
- Содерж.: От авторов; Лицей – Михайловское (1811–1826); Михайловское – Болдино (1826–1830); Тридцатые годы.

Рец.: *Виролайнен М. Н.* Новая биография Пушкина // *Новый мир.* 2002. № 6. С. 189–191; *Строганов М. В.* // *Новая рус. кн.* 2002. № 2. С. 50–51.

Русской музы близнецы: [А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев] // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов междунар. науч. конф., сост. 21–23 февр. 2000 г. (Москва–Мураново) / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького; Ред.: С. Г. Бочаров и др. М., 2002. С. 3–5.

«Ты человечество презрел»: Об одном сюжете русской литературы и его актуальности: [«Свободы сеятель пустынный...» и «Великий инквизитор» Ф. М. Достоевского] // *Новый мир.* 2002. № 8. С. 141–153.

«Все же мне вас жаль немножко...»: Заметки на полях двух стихотворений Пушкина: [«Город пышный, город бедный...», «Портрет» («С своей пылающей душой...»)] // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма: Сб. ст. к 80-летию проф. Ю. Н. Чумакова / Отв. ред. Т. И. Печерская; СО РАН. Ин-т филол.; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2003. С. 29–35.

Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества / И. Э. Сурат, С. Г. Бочаров // Произведения А. С. Пушкина в школе: [Кн. для учителя: В 2 ч.] / Сост. В. Я. Коровина. М.: Классикс Стиль, 2003. Ч. 2. С. 5–156. (Кн. полка словесника).

«Ты человечество презрел...»: (Об одном тематическом сюжете русской литературы: Достоевский и Пушкин) // *Pro memoria: Памяти акад. Г. М. Фридендера (1915–1995)* / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. А. В. Архипова, Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2003. С. 87–105.

«Все же мне вас жаль немножко...»: Заметки на полях двух стихотворений Пушкина // Пушкинский сборник / Сост. И. Е. Лоцилов, И. Э. Сурат. М.: Три квадрата, 2005. С. 274–285. (Филология).

Из истории понимания Пушкина // *The Pushkin Handbook* / Ed., Preface and Introd. by D. Betha. Madison, 2005. P. 352–363. (Publ. of the Wisconsin Center for Pushkin Studies).

Петербургское безумие: [«Не дай мне Бог сойти с ума...», «Медный всадник»] // Пушкинский сборник / Сост. И. Е. Лоцилов, И. Э. Сурат. М.: Три квадрата, 2005. С. 305–317. (Филология).

Случай или сказка?: [«Пиковая дама»] // Пушкин в XXI веке: Сб. в честь В. С. Непомнящего / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Сост. С. С. Сазонова. М.: Рус. Мирь, 2006. С. 19–42.

К идее онегинского тотального комментария Александра Павловича Чудакова // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское». Михайловское; Псков, 2007. Вып. 45: Материалы [X февр. чтений памяти С. С. Гейченко, V Онегинских чтений в Тригорском, Михайловских Пушкинских чтений (авг. 2007)]. С. 128–133.

Пустынный сеятель и великий инквизитор: [«Свободы сеятель пустынный...»] // Роман Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наука, 2007. С. 70–97.

Пушкин Александр Сергеевич / И. З. Сурат, С. Г. Бочаров // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2007. Т. 5: П–С. С. 189–216: ил. Библиогр.: с. 214–216.

Филологические сюжеты: [Сб. ст.]. М.: Яз. славян. культур, 2007. 653 с. Указ. имен: с. 641–367. (Studia philologica).

Из содерж.: С. 9–143: Пушкин: [Разд.]. С. 11–24: «Заклинатель и властелин многообразных стихий»; С. 25–53: «Форма плана»; С. 54–65: «Все же мне вас жаль немножко...»: Заметки на полях двух стихотворений Пушкина; С. 66–99: О смысле «Гробовщика»; С. 100–120: Бездна пространства; С. 121–143: Случай или сказка?; С. 233–262: Пустынный сеятель и великий инквизитор; С. 361–372: Петербургское безумие; С. 506–517: «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение. По прочтении двух книг Ю. Н. Чумакова; С. 595–596: Русской музы близнецы: [А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев].

Рец.: Бухаркин П. Е. Собеседник русской литературы // Рус. лит. 2008. № 3. С. 227–232.

А. С. Пушкин: [Биография] / И. З. Сурат, С. Г. Бочаров. М.: АСТ; Астрель, 2008. 254 с., 16 л. ил. Вспом. указ.: с. 226–253. (Имя Россия: Ист. выбор 2008).

Содерж.: От авторов; Лицей – Михайловское (1811–1826); Михайловское – Болдино (1826–1830); Тридцатые годы.

Трагедия и скандал. Вокруг «Пира во время Чумы» // Поэтика русской литературы: Сб. ст. к 80-летию проф. Ю. В. Манна / РГГУ; Отв. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2009. С. 137–145.

[Комментарий к тексту:] Гоголь Н. В. Борис Годунов. Поэма Пушкина // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наука, 2009. Т. 3 / Отв. ред. С. Г. Бочаров; Тексты подгот. Л. В. Дерюгина; Авт. коммент. С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. С. 917–923 (совм. с Л. В. Дерюгиной).

[Комментарий к тексту:] Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Там же. С. 665–686 (совм. с Л. В. Дерюгиной).

От поэтики к универсалиям: [Рец. на кн.: Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008)] / В соавт. с М. Н. Виролайнен // Вопр. лит. 2010. № 1. С. 206–211.

В семантическом фараоне текста: [«Пиковая дама»] // Знамя. 2011. № 9. С. 159–166.

Генетическая память литературы / РГГУ. М., 2012. 343 с.

Из содерж.: С. 45–56: «Все же мне вас жаль немножко...»: Заметки на полях двух стихотворений Пушкина; С. 57–65: Трагедия и скандал: Вокруг «Пира во время чумы»; С. 66–79: В семантическом фараоне текста; С. 135–147: Петербургское безумие; С. 281–288: К идее онегинского тотального комментария Александра Павловича Чудакова; С. 289–298: От поэтики к универсалиям: [Рец. на кн.: Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008)] / В соавт. с М. Н. Виролайнен.

Рец.: Переяслова М. // Вопр. лит. 2013. № 6. С. 488–491; Степанян К. Филолог // Знамя. 2013. № 7. С. 229–231; Орлицкий Ю. Б. // Новый мир. 2013. № 2. С. 208–209.

Три поэта: [А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев] // «Точка, распространяющаяся на все...»: К 90-летию проф. Ю. Н. Чумакова: Сб. науч. работ / Новосиб. гос. пед. ун-т; Ин-т филол., мас. информации и психологии; Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2012. С. 9–20.

Что есть общего между Евгением Онегиным и Марком Волоховым? Между тем роль женщины не изменяется: [Выступление на конф., посв. И. А. Гончарову, 2012] // Знамя. 2012. № 10. С. 158–160.

«Русской музы близнецы»: Три поэта [А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев] // Die Frau mit Eigenschaften: К юбилею Н. С. Павловой / РГГУ; Сост. И. В. Ершова, С. П. Ташкенов. М., 2015. С. 239–246.

Вещество существования: Филол. этюды. М.: Рус. Миръ, 2014. 460 с. (Лит. премия Александра Солженицына)

Из содерж.: С. 6–28: Случай или сказка?; С. 55–56: «Русской музы близнецы»: [А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев].

Из книги «Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества» / И. З. Сура-рат, С. Г. Бочаров // Пушкин А. С. Капитанская дочка; Повести; Драматические произведения. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 613–639. (Б-ка классич. лит.: 100 главных кн.).